ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

И.В. Объедков, кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ СОШ № 1282 г. Москвы с углубленным изучением английского языка; e-mail: ksumballon@mail.ru

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ ОБ ОБОРОНЕ РУССКИХ КРЕПОСТЕЙ В 1914–1915 гг.

Статья посвящена истории проведения пресс-конференций в Главном Управлении Генерального Штаба в годы Первой мировой войны. Используя тексты стенограмм, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве, автор рассмотрел процесс изменения официальной точки зрения ГУГШ на оборону линии фортификационных сооружений, построенных Россией на границе с Германией. Гарнизоны крепостей Осовца, Ивангорода, Новогеоргевска, Ковно, Гродно и Брест-Литовска в течение нескольких месяцев продолжали выдерживать осаду германских войск, вплоть до оставления их русской армией в августе 1915 г.

Ключевые слова: *Первая мировая война, русские крепости, русская журналистика, пресс-конференции, Ставка, Генеральный штаб, А.М. Мочульский.*

The article deals with the history of news conferences in Russian General Staff Department during the First World War. On the basis of shorthand records, keeping in Russian archive RGVIA, the author traces the development of views on a siege-works around the line of concrete fortifications, obstacles and weapons installations that Russia constructed just before the border with Germany. There were fortresses Osowiec, Ivangorod, Novogeorgievsk, Kaunas, Grodno, Brest-Litovsk, defended for several month by Russian garrisons against German attacks, until the Russian army abandoned them in August 1915.

Key words: *World War I, Russian journalism, Russian fortresses, press-conferences General Staff, A.M.Mochoolsky.*

Введение. Исторический контекст

Сто лет, минувшие после кровопролитных оборонительных сражений 1915 г., пробуждают интерес к рассмотрению их неизученных подробностей. Опорными пунктами русской обороны в 1914–1915 гг. стали крепости, построенные еще до Первой мировой войны для защиты западных рубежей империи. Преграждая врагу путь вглубь России, они олицетворяли защищенность страны в коллективном сознании общества. Обстрелы противником Осовца 8 (21) сентября и Ивангорода 16 октября 1914 г. [Айрапетов, 2014, с. 256, 279] стали первыми эпизодами крепостной обороны. Кратковременное ослабление вражеского натиска сменилось 4 (17) февраля

1915 г. атаками против Гродно, а 18 февраля – новыми боями под Осовцом, продолжавшимися более полугода [Айрапетов, 2014, с. 41, 49, 51]. До 12 (25) июня 1915 г. генерал М.В. Алексеев надеялся на удерживание русской армией линии Осовец – Гродно – Брест, но в целом русские крепости не оправдали возлагавшихся на них надежд [Там же, с. 248, 250] и к концу августа 1915 г. были захвачены противником. Обсуждение их обороны периодической печатью повлияло на дальнейшее развитие политических событий в России вплоть до революции, грянувшей в 1917 г.

В августе 1914 г. входившее в состав Военного министерства Главное Управление Генерального Штаба (ГУГШ), при содействии Штаба Верховного Главнокомандующего (Ставки) организовало в Петрограде ежедневные пресс-конференции (т.н. «беседы») для журналистов с целью распространения среди всех слоев русского общества официальной информации о военных действиях на русско-германском фронте. С августа 1914 г. по январь 1916 г. на них председательствовал полковник Генерального Штаба Александр Михайлович Мочульский[1], ставший в 1918–1920 гг. сотрудником Всероссийского Главного штаба Красной Армии и расстрелянный большевиками в 1921 г. [Ганин, 2013, с. 784]. Иногда его замещал другой офицер, фамилия которого, как и фамилии журналистов, в стенограммах не указывалась.

Пресс-конференции, проходившие в здании ГУГШ на Дворцовой площади, осуществляли информационное сопровождение обороны русских крепостей в 1914–1915 гг. Обратившись к изучению этой темы, не привлекавшей ранее внимания историков, автор данной статьи поставил перед собой задачу ответить на следующие вопросы:

- Существовало ли у русского военного ведомства принципиальное намерение освещать оборону крепостей на пресс-конференциях?
- Какую информацию офицеры ГУГШ доводили до сведения журналистов?
- Какие приемы подачи материала для этого использовались?
- О чем умалчивали офицеры ГУГШ?
- Какие аспекты обороны крепостей больше всего интересовали журналистов?
- Как журналисты воспринимали и интерпретировали получаемую информацию, распространявшуюся затем среди читателей?
- Как повлияла потеря крепостей на дальнейшую информационную политику военного ведомства?

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 26-28.

В качестве источника автор использовал до сих пор не вводившиеся в научный оборот стенограммы пресс-конференций, сохранившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фонде ГУГШ (Ф. 2000), и документы фонда Ставки (Ф. 2003).

Пресс-конференции ГУГШ

29 августа 1914 г., во время отступления русских войск из Восточной Пруссии, А.М. Мочульский впервые намекнул на потенциал русских фортификационных сооружений, ободряя журналистов примерами из наполеоновских войн и франко-прусской войны, когда до трех четвертей наступающих армий оказывались скованными осадой оборонявшихся крепостей.

На пресс-конференции 15 декабря 1914 г. завязался разговор о боях под Ивангородом, где, по данным ГУГШ, потери противника достигли 150-200 тысяч человек. Одновременно прозвучало первое упоминание о Новогеоргиевске[2].

В ходе «беседы» 7 января 1915 г. журналистов познакомили с военной теорией, считавшей защиту укрепленных позиций инструментом усиления пассивной обороны войск, противостоящих наступательным операциям противника в стратегически важных пунктах. Слова А.М. Мочульского внушали оптимизм: «Уже одно упоминание о позициях приводит противника к сознанию того, что свобода маневрирования им в большей или меньшей степени утрачена»[3].

19 февраля А.М. Мочульский признал факт начала оборонительных боев на Осовецком, Ковенском и Гродненском направлениях[4]. «Крепости являются составной частью, системой мер государственной обороны на нашем Северо-Западном фронте», подчеркнул он на пресс-конференции 25 марта[5].

Откровенное разъяснение журналистам дислокации крепостных сооружений начиналось только после приближения к ним линии фронта.

14 февраля А.М. Мочульский назвал Осовец сильным опорным пунктом в системе заблаговременно укрепленных позиций русской армии[6]. Обширные Августовские леса не позволяли организовать сплошную линию фронта[7], и Осовец оказался связующим звеном

[2] Там же. Л. 41.
[3] Там же. Л. 245.
[4] Там же. Д. 4904. Л. 74.
[5] Там же. Д. 4905. Л. 10.
[6] Там же. Д. 4904. Л. 16.
[7] Там же. Л. 71.

«между разреженными участками пересеченного Занеманского театра»[8]. 19 февраля полковник указал журналистам: «Смотрите на него как на сильную батарею... действия которой сочетаются с операциями в поле. Это не та крепость, которая предоставлена сама себе, которую должны окружить, и которая, наконец, будет выдерживать осаду. Сейчас крепость не окружена, не блокирована, она только сильно обстреливается и отвечает на тот же артиллерийский огонь, от которого она должна нести некоторые жертвы и не больше того»[9]. 10 марта А.М. Мочульский заявил о неприступности Осовецких фортов, прикрытых вынесенными вперед легкими полевыми укреплениями[10]. 28 июня Осовец, доблестно преграждавший путь неприятелю, «чуть ли не с ноября 1914 г.», все еще преподносился в качестве опорного пункта, защищавшего «дорогу Граево-Белосток и дефиле между болотами Бобра и Нарева». Его бетонные укрепления успешно выдерживали обстрел немецких осадных орудий, а разрушения и человеческие жертвы оставались «незначительными»[11].

Обсуждение дислокации Ковенской крепости началось на пресс-конференции 17 марта 1915 г.[12] А.М. Мочульский пообещал, что Ковно даже в случае прорыва фронта немцами будет обороняться у них в тылу[13]. 17 июля Ковно, оказавшееся на линии фронта, было названо сильной и большой крепостью, ядром целой системы сооружений долговременной фортификации[14].

28 июля председатель признал факт нанесения немцами главного удара на участке фронта между Ковно и Балтийским побережьем[15]. 5 августа журналисты узнали о захвате противником Ковенских фортов «на левом берегу Немана к западу от Еси и отчасти в районе левобережных укреплений самой крепости» после кровопролитного 11-дневного сражения[16]. Но только 6 августа, им рассказали о расположении крепости в речной излучине, далеко впереди линии фронта по Среднему Неману. «Эта излучина... заключает в тылу впадение в Неман реки Вили и... делает из Ковенской крепости... остров»[17].

17 марта 1915 г. председатель привлек внимание журналистов к крепости Усть-Двинск, делавшей Ригу «городом, вполне

[8] Там же. Д. 4905. Л. 10.
[9] Там же. Д. 4904. Л. 69-70.
[10] Там же. Д. 4905. Л. 83-87.
[11] Там же. Д. 4907. Л. 13-14.
[12] Там же. Д. 4902. Л. 106-108.
[13] Там же. Л. 109-110.
[14] Там же. Д. 4907. Л. 95.
[15] Там же. Л. 236-238.
[16] Там же. Д. 4908. Л. 58-60.
[17] Там же. Л. 69.

защищенным»[18]. 23 июля, за четыре дня до первой попытки немцев ворваться в Ригу, он заявил о способности крепости вести борьбу с вражеским флотом в узком пространстве входа в Двину, и блокировать угрозу городу с моря[19].

Австро-венгерский Перемышль после взятия русскими войсками 9 марта 1915 г. рассматривался офицерами ГУГШ как «наша крепость»[20]. На пресс-конференции 21 апреля А.М. Мочульский пообещал сделать ее опорой русского фронта на реке Сан[21].

15 июля 1915 г. одним из самых крепких участков обороны, защищенных естественными и искусственными преградами, был объявлен Новогеоргиевск. 28 июля журналистов проинформировали о дислокации его укреплений в излучине Вислы. 2/3 фортов располагались на восточном берегу реки, угрожая немцам своими орудиями[22].

17 июля председатель разъяснил журналистам дислокацию Ивангорода, связанного железнодорожными линиями с Варшавой и Петроградом. Участки фронта между Ивангородом и Новогеоргиевском, а также между Ковно и Гродно, он назвал двумя важнейшими звеньями русской обороны[23]. Однако, уже 23 июля пришлось сообщить журналистам об оставлении Варшавы, и об отступлении гарнизона из Ивангорода[24].

31 июля председатель заговорил о вероятности немецкого наступления на Брест – «первоклассную крепость, редюит всего передового театра, широко развитый в смысле обороны и служащий прекрасной базой для центра армий, отошедших с линии Средней Вислы». «Здесь прорыв не страшен», – пообещал он, поскольку Брест стоит «как страж ... на всех путях, идущих к востоку от района расположения центра наших армий в Царстве Польском». Брест «несомненно, не по доброй воле противника, станет центром тяжести всех его операций, потому что обойти его нельзя»[25].

В целом, вплоть до июля 1915 г. Осовец, а также «Брест, и весь район крепостей, находящихся в Привислянском крае», преподносились пропагандистами ГУГШ как неприступный укрепленный район, не позволявший германским войскам замкнуть кольцо окружения вокруг Варшавы[26].

---

[18] Там же. Д. 4902. Л. 111.
[19] Там же. Д. 4907. Л. 208.
[20] Там же. Д. 4901. Л. 193.
[21] Там же. Д. 4905. Л. 182.
[22] Там же. Д. 4907. Л. 64, 213, 241.
[23] Там же. Л. 64, 96.
[24] Там же. Л. 101, 210-212.
[25] Там же. Д. 4908. Л. 11-12.
[26] Там же. Д. 4906. Л. 184.

Противостояние русских крепостей германской осадной артиллерии обсуждалось почти на каждой пресс-конференции. 21 февраля 1915 г. А.М. Мочульский представил журналистам технические характеристики осадных орудий, которыми считались пушки калибра крупнее 6 дюймов. Он не стал скрывать ни ущерба, причиняемого крепостям орудиями калибра 4,2 дюйма, ни наличия у противника 12-дюймовых орудий. Не желая травмировать патриотизм корреспондентов, он завершил разговор словами: «о калибрах во избежание ошибки лучше не говорить»[27].

26 февраля Мочульский рассказал о 20 бомбах, сброшенных на Осовец германскими авиаторами, «которые не оставили, конечно, никаких следов» на укреплениях, способных выдержать попадание тысяч снарядов тяжелых гаубиц. По его подсчетам, к этому дню в ходе 12 дневного обстрела по Осовцу было выпущено 3 тысячи снарядов. Это составило около 300 попаданий в день, 25 – за час, и одно – на каждые две минуты[28].

21 мая 1915 г., в день возвращения Перемышля противнику, А.М. Мочульский впервые столкнулся с необходимостью объяснения журналистам причин сдачи крепости. [Объедков, 2014, с. 42-48]. Вскоре эти объяснения стали постоянной темой пресс-конференций. 22 июля русские арьергарды уничтожили укрепления Ивангорода[29]. 7 августа Ставка признала потерю «укреплений Ковны», а также подрыв отступающим гарнизоном северных фортов Новогеоргиевска[30]. 9 августа покинул взорванную крепость гарнизон Осовца[31]. 14 августа Ставка сообщила о взрыве укреплений Брест-Литовска[32]. 20 августа русские войска взорвали форты Гродно[33].

Оправдываясь перед журналистами, ГУГШ сформулировало четыре тезиса. Во-первых, значение крепостей в современной войне уменьшилось. Во-вторых, крепости обветшали и не были подготовлены к обороне. В-третьих, крепости не смогли противостоять подавляющей мощи германской осадной артиллерии. В-четвертых, ухудшение боевой обстановки делало защиту крепостей бесполезной, а их сдачу противнику – наоборот, выгодной.

Обосновывая тезис об уменьшении значения крепостей, 15 июля 1915 г. председатель напомнил журналистам о прошедшей в

---

[27] Там же. Д. 4904. Л. 112.
[28] Там же. Д. 4904. Л. 139.
[29] «Русский Инвалид». – 24 июля 1915 г. – № 162. – С. 1.
[30] Там же. – 8 августа 1915 г. – № 173. – С. 1.
[31] Там же. – 22 августа 1915 г. – № 184. – С. 1.
[32] Там же. – 15 августа 1915 г. – № 179. – С. 1.
[33] Там же. – 21 августа 1915 г. – № 183. – С. 1.

1910 г. дискуссии в печати, завершившейся выводом о неэффективности дорогостоящих укреплений из бетона и стали, и появлении потребности в «укрепленных позициях», сооружаемых в стратегически важных пунктах скрытно и в сжатые сроки. «Крепость не иголка, ее не укроешь», – добавил он, указывая на появление аэрофотосъемки[34]. 11 сентября 1915 г., подводя итоги потери крепостей, председатель сказал, что война заставила фортификаторов отказаться от строительства больших казематов, и начать «создание малых... фортиков с казематами на 7-8 человек, т.е. то же самое, что блиндажи в полевом бою... Вся слабость крепостей в том, что... они заключали на весьма коротком пространстве, несомненно, могущем быть забросанным большим количеством металла, большое число защитников». В качестве примера председатель указал на связь между переходом русских войск на позиции, укрепленные лишь «средствами полевой фортификации», и снижением эффективности германской тяжелой артиллерии: «несмотря на ее ураганный огонь,... мы перестали слышать о смертоносном действии... 42-сантиметровых мортир»[35].

Оправдывая сдачу крепостей их обветшалостью, 15 июля 1915 г. председатель признался: «Опасения за возможность постановки наших войск Варшавского военного округа в трудные условия борьбы вынудили нас в 1910 г. оттянуть все силы, находившиеся выдвинутыми далеко к западу, во внутренние губернии, дабы не подвергать их риску отдельных поражений». Для обороны был намечен новый рубеж «по линии среднего Немана и далее затем на юг до Бреста», включавший Гродно. В порыве откровенности он добавил: «В настоящую минуту не может быть секретом, что при разработке подготовительных к войне соображений мы даже не могли, и не имели права, рассчитывать на удержание в первое время войны не только Завислянского края... Война должна была начаться у Бреста»[36].

Продолжая оправдываться, 26 июля 1915 г. председатель дал низкую оценку эвакуировавшемуся Ивангороду: «Во всяком случае, он очень слаб. Если вы помните, Ивангород был упразднен в 1911 году – с выводом артиллерийской части. Так что его как крепость нельзя рассматривать, а лишь как удобное место для переправы»[37]. 6 августа журналистам было заявлено, что и Ковенская «крепость являлась скорее сооружением старого типа, борьба в котором, при современных могущественных средствах поражения, при обилии

[34] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4908. Л. 77.
[35] Там же. Д. 4909. Л. 191-192.
[36] Там же. Д. 4907. Л. 69-70.
[37] Там же. Л. 64, 235 и об.

снарядов у противника, конечно, не могла тянуться месяцами или даже долгими неделями»[38]. 14 августа 1915 г. председатель подвел итог: «к началу войны крепости не успели закончить... усиления. ... Это в значительной степени заставляет оставлять крепости»[39].

Оправдание сдачи крепостей невозможностью борьбы с германской артиллерией впервые прозвучало на пресс-конференции 15 июля 1915 г.[40] 7 августа председатель посетовал на способность врага «без всяких помыслов об экономии, засыпать тысячами, десятками тысяч снарядов большого калибра то место, на котором...находятся наши укрепления». «Чрезвычайно обильные цифры боевого комплекта покрывают все то, что у нас могло считаться большой и недосягаемой роскошью», с сожалением признал он. Объясняя ситуацию «накоплением за этот год ... колоссальных ...огнестрельных припасов, которых, по-видимому, в первый период кампании в распоряжении нашего противника не было», он косвенно обвинил нейтральные страны в оказании помощи Германии[41].

6 и 7 августа председатель резюмировал: «Боевые действия под крепостями выигрываются за счет преобладания механических средств над живой силой... Возросшая в своих калибрах и разрушительной силе современная артиллерия лишает защитников крепости весьма важного фактора в их борьбе, фактора именно инженерной обороны, прикрытых мест, которые прежде, по крайней мере, в условиях строительства Ковенской крепости, делали совершенно надежными казематированные ... подступы и все те прикрытые места, в которых мог находить защиту и отдых гарнизон крепости»[42]. 14 августа председатель сослался на аналогичные неудачи союзников: «Во время текущей войны мы видим, что и у нас, и во Франции ... и в Галиции крепости оставлялись»[43].

Оправдывая сдачу крепостей бесполезностью их обороны, 27 июля 1915 г. председатель сослался на германское наступление в Литве и Курляндии: «Серьезность действий, назревающих к северу от Осовца и до побережья Рижского залива, несомненно, заслоняет собой все то, что происходит в Привислинской Польше»[44]. 13 августа председатель намекнул: «местность, окружающая Брест-Литовск, крайне невыгодна в тактическом отношении»[45]. 14 августа он

[38] Там же. Д. 4908. Л. 68-69.
[39] Там же. Л. 170.
[40] Там же. Д. 4907. Л. 64.
[41] Там же. Д. 4908. Л. 89.
[42] Там же. Л. 77, 83-84.
[43] Там же. Л. 170.
[44] Там же. Л. 20.
[45] Там же. Л. 176.

откровенно предупредил журналистов: «Гродно... может быть так же оставлено, как и другие крепости, потому что... Гродно находится в таком же тяжелом положении, как и Брест-Литовск»[46].

Важнейшим достижением русских войск, связанным со сдачей крепостей, А.М. Мочульский считал сокращение и выпрямление линии фронта. По его мнению, в апреле-мае 1915 г. Перемышль придавал ей «уродливое очертание»[47]. Позже оказалось, что территория Ковенской крепости тоже слишком сильно выдается вперед, занимая излучину Немана[48].

Еще одним достижением А.М. Мочульский назвал сохранение солдатских жизней, «потому что ничем другим, а только живой силой, в конце концов, решится участь этой войны»[49]. Поскольку защита Перемышля сковывала стотысячную группировку, его возвращение противнику полковник представил как победу русских войск, разгадавших план врага запереть их в крепости[50]. Гродно так же потребовало бы «для своей защиты колоссального гарнизона, который обречен на погибель ни за что ни про что»[51]. 14 августа 1915 г. председатель сделал вывод: «Нет расчета... запирать в крепости значительный гарнизон с тем, чтобы заставить противника продолжительное время удерживаться у этой крепости, когда могущественная артиллерия... даст ему возможность прикончить с этой крепостью в сравнительно незначительный срок и принудить гарнизон к прекращению участия в войне». Гарнизон следовало «вывести для действия в поле, где он принесет...большую пользу»[52].

Заканчивая оправдываться, 15 августа 1915 г. председательствующий призвал журналистов с уважением отнестись к «спокойствию и... решимости нашего верховного командования», знавшего, насколько «для русских будет тяжело... узнать об оставлении Ковны, об оставлении Брест-Литовска». Согласно официальной версии, командование, преследовавшее цель «сохранения нашей армии, ни на минуту не остановилось перед оставлением всех этих пунктов, перед оставлением территории Западного края, дабы не подвергать наши армии заносимому над ними удару». Благодаря этому «армии в полной целости своей организации продолжают на всем громадном протяжении фронта своею крепкою грудью

[46] Там же. Л. 174-175.
[47] Там же. Д. 4903. Л. 326.
[48] Там же. Д. 4908. Л. 74.
[49] Там же. Л. 175-176.
[50] Там же. Д. 4903. Л. 330-331.
[51] Там же. Д. 4908. Л. 175-176.
[52] Там же. Л. 170.

сдерживать натиск противника»[53]. Эта версия легла в основу военного обзора, опубликованного в «Русском Инвалиде»[54].

Сдача крепостей противнику породила новую информационную проблему. А.М. Мочульскому и его коллегам пришлось убеждать журналистов в уничтожении оставляемых укреплений, с целью помешать врагу отразить русское контрнаступление. 21 мая 1915 г. он сказал, что в Перемышле: «взорвано все то, что ценно для противника», и австрийцы смогут построить там только временные укрепления[55].

14 августа заместитель Мочульского заверил журналистов в полной утрате Ковно и Брестом роли «крепостей в фортификационном отношении..., потому что форты взорваны..., там нет крепостей, там есть груда развалин. Для того чтобы эти крепости привести в порядок, сделать их могущественными для сопротивления артиллерии, которая у нас тоже не слаба, надо значительное время и значительные средства. Надо их бетонировать, ... надо их вооружить... это дело годов, а не недель, не месяцев. Поэтому играть роль таких крепостей, которые создадут нам серьезное сопротивление, эти остатки, развалины бывших крепостей, не смогут даже в руках германцев»[56]. То же самое он сказал и о Гродно: «Мы видим, что из всех оставленных до настоящего времени крепостей... все, могущее принести пользу противнику, увозилось или уничтожалось, форты и мосты все взрывались. Можно быть уверенным, что и относительно Гродно все эти меры будут приняты, и противник, если ему суждено будет вступить в Гродно, ... то он найдет ее в виде таких же развалин, как находил до сих пор все прочие наши крепости»[57].

Говоря об укреплении немцами Брест-Литовска, 18 октября председатель ограничился заявлением о неспособности противника построить там новые сооружения. «Они попытаются задержаться... в районе Бреста и в других местах, но особого значения этому не приходится придавать, это не есть планомерно обдуманная оборона»[58].

Осенью 1915 г. линия фронта стабилизировалась, и 31 октября представитель ГУГШ объявил журналистам о долгожданном отка-

---

[53] Там же. Л. 188.
[54] «Русский Инвалид». – 15 августа 1915 г. – № 179. – С. 1.
[55] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4903. Л. 320-321, 325, 334.
[56] Там же. Д. 4908. Л. 173.
[57] Там же. Л. 176.
[58] Там же. Д. 4910. Л. 128.

зе противника, вынужденного «закопаться в землю», от дальнейшего наступления на русско-германском фронте[59].

Приемы подачи информации, применявшиеся А.М. Мочульским и его коллегами, заслуживают подробного рассмотрения.

При вступлении крепостных гарнизонов в соприкосновение с противником журналистам предлагалась версия о вовлечении в бой только передовых укреплений. 10 марта 1915 г. Мочульский подчеркнул, что Осовец не окружен и «ведет борьбу только... теми укреплениями, которые находятся впереди него»[60]. В начале мая 1915 г., отвечая корреспонденту «Дня» о вступлении в бой Перемышля, он предложил: «Как считать Перемышль, условимся о понятии... Перемышль является... крепостью, которая обнесена очень большим, чуть ли не 40-верстным обводом фортов, расположенных... на значительном удалении от города, от ядра крепости, и имеющих несколько рядов». Получалось, что и в этом случае бой завязался только у передовых укреплений[61].

7 июля 1915 г., отвергнув предположение корреспондента «Речи» об обстреле наступающего противника тяжелыми батареями Новогеоргиевска, председатель снова ограничился признанием участия в бою только передовых укреплений[62]. То же самое он сказал 17 июля 1915 г. о вступлении в бой передовой линии укреплений Ковно[63]. «Что касается Бреста, – сообщил он 6 августа, – то эта крепость еще не вошла в сферу борьбы»[64]. Факт втягивания в нее Бреста он признал только 10 августа, но с оговоркой, что боевые столкновения начались в 20 верстах от крепости[65].

Негативная информация об ухудшении оперативной обстановки на подступах к крепостям задерживалась. На 12 дней после 14 февраля запоздало сообщение о начале обстрела Осовца немецкой артиллерией[66]. 17 июля, с задержкой на десять дней, журналистам было сообщено о начале боев в «районе... Ковенской крепости»[67].

Имели место заранее спланированные обмены репликами с официозными журналистами. 10 марта 1915 г. А.М. Мочульский обменялся мнениями об Осовце с корреспондентом «Правитель-

---

[59] Там же. Д. 4911. Л. 167.
[60] Там же. Л. 87.
[61] Там же. Л. 278.
[62] Там же. Д. 4906. Л. 308-309.
[63] Там же. Д. 4907. Л. 95.
[64] Там же. Д. 4908. Л. 69.
[65] Там же. Л. 113.
[66] Там же.
[67] Там же. Д. 4907. Л. 95.

ственного Вестника». По его словам, оборона опиралась на форты, прикрытые вынесенными вперед легкими полевыми укреплениями. Журналист сделал требовавшийся от него вывод о неспособности немцев разрушить их, и поддержал сравнение стрельбы тяжелых орудий по легким укреплениям со стрельбой «из пушек по воробьям»[68].

А.М. Мочульский поддерживал заблуждения журналистов, совпадавшие с интересами ГУГШ. В начале марта 1915 г. корреспондент «Дня» спросил, можно ли считать положение Осовца благоприятным. «В полной мере благоприятным, – заверил его полковник, – с приближением противника мы будем только увеличивать меткость нашего огня по нему»[69]. Вечером 10 марта, продолжая диалог, он даже заговорил о полной эвакуации немецкой осадной артиллерии, смело назвав ее «заблаговременным и ... осторожным увозом того, что может попасть в руки нашего войска...». Более того, он поддержал зародившуюся у корреспондента «Речи» надежду на отступление вражеских войск на территорию Восточной Пруссии: «некоторая тенденция к этому кое-где чувствуется»[70].

Для подбадривания журналистов использовалось позитивное отождествление. 5 мая 1915 г. Мочульский убеждал их в одинаковой прочности обороны двух крепостей: «Перемышль является... участком весьма обширного фронта в таком роде как Осовец[71].

Негативных отождествлений офицеры ГУГШ избегали. 6 августа 1915 г. председатель откровенно признался в боязни сравнения общественностью сдачи крепости Ковно, «падение которой нам всем неприятно», с «возможным падением Бреста»[72].

Когда крепости, одна за другой, стали переходить в руки противника, пропагандисты ГУГШ начали позиционировать гибнущие гарнизоны как отряды национальных героев, предпочитающие смерть сдаче в плен. 6 августа 1915 г. председатель назвал Новогеоргиевск «островком русских людей, окруженных со всех сторон противником с могущественной артиллерией». Он сделал акцент на завершении этими людьми своей миссии: «...Мы многим обязаны крепости Новогеоргиевск, исполнившей свой долг до конца и теперь являющей миру величайший пример доблестной ее

---

[68] Там же. Д. 4905. Л. 83 - 87.
[69] Там же. Д. 4904. Л. 162.
[70] Там же. Д. 4905. Л. 85-86.
[71] Там же. Л. 328-329.
[72] Там же. Д. 4908. Л. 76.

защиты»[73]. 7 августа, отвечая корреспонденту «Биржевых Ведомостей» на вопрос о дальнейшей судьбе Новогеоргиевского гарнизона, председатель предсказал: «борьба до полного истощения», а затем «славная смерть или плен»[74]. Корреспонденту «Петроградской Газеты» он мрачно сказал, что часть Ковенского гарнизона уже «погибла, защищая крепость», а остальные «подробности в очень интересных чертах нарисует история»[75]. Самым ярким примером героического сопротивления к началу августа 1915 г. оставался Осовец. Офицеры ГУГШ утверждали, что его гарнизон борется с противником «до последнего издыхания даже в тех случаях, когда он применяет модное средство – удушливые газы. Крепость стоит прочно, дух ее защитников высок»[76].

По мере утраты крепостей офицеры ГУГШ приступили к формированию у журналистов представления об успешном отходе русских войск на естественные оборонительные позиции. 28 июля 1915 г. председатель напомнил им о прикрывавших Петроград Чудском и Псковском озерах[77]. 16 августа корреспондентам было заявлено: «лесисто-болотистый район... Полесья... является как бы живой крепостью,... опорой левого фланга войск, находящихся в районе Литвы», граничившей на юге с Волынью. «Этот район представляет надежную гарантию от какого-либо случайного прорыва...»[78].

Убедительным приемом были ссылки на публикации шведских газет, поскольку они, по словам А.М. Мочульского, пользовались в качестве источников бюллетенями германского Генерального штаба и Информационного бюро Вольфа[79].

25 апреля 1915 г. полковник заверил участников пресс-конференции в отсутствии у немцев сил для обхода правого фланга крепости Ковно, ссылаясь на военный обзор, опубликованный шведской газетой «Дагенс Нюхетер»[80]. 23 июля ссылка на аналитиков из Стокгольма позволила заявить о крахе задуманного П. фон Гинденбургом «глубокого обхода обоих флангов» русских армий с последующим прорывом «от Осовца в сторону Бреста»[81]. 7 августа, подчеркивая героизм защитников Ковно, председатель

[73] Там же. Л. 66.
[74] Там же. Л. 88.
[75] Там же. Л. 82.
[76] Там же. Л. 66-68.
[77] Там же. Д. 4907. Л. 239.
[78] Там же. Д. 4908. Л. 198.
[79] Там же. Д. 4905. Л. 113-114.
[80] Там же. Д. 4900. Л. 577 и об.
[81] Там же. Д. 4907. Л. 211.

сказал: «в этом отношении меня поддерживают и шведские газеты, которые выражают большое удивление, что в германских сообщениях о падении Ковны совершенно не упоминается количество пленных»[82].

Используя различные приемы подачи информации, А.М. Мочульский и его коллеги не смогли избежать противоречий.

14 августа 1915 г. заместителю Мочульского пришлось отвечать за необдуманные обещания коллеги: «Полковник Мочульский, говоря, что разрушенные укрепления Перемышля могут быть домашним способом восстановлены, и затем ими можно будет пользоваться, имел в виду восстановление укреплений Перемышля только для полевых действий... Сомневаюсь очень, чтобы полковник Мочульский мог сказать, что Перемышль можно домашними средствами обратить опять в такую сильную крепость, которая потребовала бы ... брать ее штурмом»[83].

16 августа председатель уверяя, будто потеря Бреста не прервала железнодорожную связь между русскими войсками, воевавшими севернее и южнее крепости, не учел информированности журналистов об отсутствии альтернативных путей сообщения. Оправдываясь, он договорился до отрицания потребности в утраченной железнодорожной линии[84].

Самым противоречивым, эмоциональным и даже отчаянным, стало заявление председателя, зафиксированное стенограммой 13 августа 1915 г.: «Нет сомнения, если бы мы поставили целью, во что бы то ни стало удержать Ковно, конечно, мы бы удержали; нет сомнения, что если бы мы, во что бы то ни стало, поставили себе задачей задержать противника на Немане, конечно, мы бы задержали. ...Армия настолько боеспособна, что может задержать любое наступление немцев на значительное время, и если мы к этому не приходим, то, значит, не требуется для наших планов»[85].

В августе 1914 г. А.М. Мочульский заявил о фильтрации военной цензурой всей информация, представляемой журналистам[86]. О чем умалчивали сотрудники Генерального Штаба? Какие сведения не должны были стать газетными сенсациями?

Разработанная в Ставке 14 ноября 1914 г. «Записка о ближайших мероприятиях для обеспечения дальнейших военных опера-

[82] Там же. Д. 4908. Л. 83-84.
[83] Там же. Л. 173.
[84] Там же. Л. 197-198.
[85] Там же. Л. 168.
[86] Там же. Д. 4900. Л. 50-51.

ций», поставила перед русскими войсками две взаимоисключающие задачи. Главной задачей Северо-Западного фронта становился захват Восточной Пруссии. Оборону крепостей Ставка отодвинула на второй план, ограничившись предписанием «обратить серьезное внимание на инженерную подготовку театра войны, особенно по прочному закреплению некоторых рубежей, важное стратегическое положение коих уже вполне определилось»[87].

Журналистам не сообщали об ослаблении русской крепостной артиллерии. В телеграмме № 7103, отправленной в Ставку в ноябре 1914 г. главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Н.В. Рузский отчитался в получении осадных орудий, привезенных из русских крепостей для наступления в Восточной Пруссии. Его жалоба на трудности переброски десятков тысяч пудов тяжелой артиллерии «при крайне бедных средствах передвижения...» дает основания подозревать, что к лету 1915 г. не все пушки вернулись обратно[88]. Документы «по расследованию обстановки, при которой были оставлены Гродненские укрепления», присланные в сентябре 1915 г. штабом Западного фронта наштаверху М.В. Алексееву, свидетельствовали о начале эвакуации артиллерии из Гродненской крепости еще за две недели до ее оставления[89].

Журналистам не сообщали о снижении боеспособности русских войск. В «Записке о ближайших мероприятиях» указывалось на обусловленность всех успехов, достигнутых русскими войсками к ноябрю 1914 г. прибытием «на запад свежих сил либо с окраин империи, либо с второстепенных театров военных действий». Однако, в 1915 г. «запас не перевезенных еще на запад войск» был «должен прекратиться совсем»[90].

Ковно-Гродненский район обороняла 10-я армия. 14 ноября Н.В. Рузский телеграфировал в Ставку: «Сзади десятой армии нет никого, и в случае ее крупного неуспеха или ослабления большими потерями передать исполнение этих задач уже некому». При этом он отметил низкие боевые качества входивших в армию второочередных дивизий, которые «попадая под сильный огонь, охватываются паникой, причем огромное количество без вести пропавших дает полную возможность предполагать [о] массовой сдаче их в плен, чему были примеры»[91].

---

[87] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 39. Л. 173-174.
[88] Там же. Л. 127.
[89] Там же. Д. 510. Л. 1-10.
[90] Там же. Д. 39. Л. 172-173.
[91] Там же. Л. 124.

Секретная «Записка по поводу выполнения операций на Юго-Западном фронте в декабре 1915 года и Северном и Западном в марте 1916 года», изданная Ставкой, опровергала звучавшие на Дворцовой площади оправдания о выпрямлении линии фронта. На самом деле русским войскам вменялась в обязанность «борьба не за линии, а за очаги сопротивления»[92]. «Записка» отмечала необученность русских войск (в отличие от австро-венгерских) профессиональной обороне укреплений. Кроме того, «Записка» указывала на «существующую в войсках вредную косность», оправдывавшую отступление любой воинской части в случае отступления ее соседей по фронту[93].

Цитируя зимой 1915 г. пословицу «Не сильна крепость огородою, а сильна крепость воеводою»[94], А.М. Мочульский не предполагал, насколько пророческими окажутся его слова. Шокирующим стало подписание капитуляции Новогеоргиевска его комендантом Н.П. Бобырем, а также бегство в тыл коменданта Ковно В.Н. Григорьева, приговоренного военным судом за трусость к 15 годам каторги. [Айрапетов, 2014, с. 260-262, 266].

Журналистов интересовали любые подробности обороны крепостей. Однако их вопросы лишь отчасти влияли на формирование повестки дня пресс-конференций.

30 октября 1914 г. журналисты высказали недовольство заказом коменданту Осовца генералу Н.А. Бржозовскому статьи о посещении крепости, отбившей первый штурм, Николаем II. К тому же, ее текст редактировался в Ставке, и не был доведен до их сведения. Корреспондент «Правительственного Вестника» от имени всех представителей «петроградской и иностранной печати», заявил председателю, что «население России, не исключая ни одного его сословия, чрезвычайно чутко относится к малейшему проявлению героизма в русской армии и флоте», а доблесть, проявляемая войсковыми частями «служит подъему патриотизма в стране». Поэтому от имени всех своих коллег он настойчиво попросил А.М. Мочульского, как посредника между журналистами и Ставкой, впредь информировать их о подобных боевых эпизодах. Если устного заявления недостаточно, предупредил журналист, «то с нашей стороны последует коллективное письменное заявление»[95].

---

[92] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2795. Л. 308.
[93] Там же. Л. 309 об.
[94] Там же. Д. 4903. Л. 134.
[95] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 221.

5 мая 1915 г. корреспондент «Сельского Вестника» впервые задал вопрос о намерении противника вернуть себе Перемышль[96]. 27 апреля 1915 г. корреспондент «Дня» отметил превращение Перемышля в прифронтовую русскую крепость, оказавшуюся всего в 10 верстах от линии фронта. Как и коллеги, он сомневался в способности Перемышля выдержать австро-германский штурм[97]. 21 мая, когда худшие опасения журналистов подтвердились, корреспондент «Дня» заявил, что русское общество не будет удовлетворено недостаточной информативностью сообщения Ставки об оставлении Перемышля, и потребуются дополнительные разъяснения[98].

28 июня корреспондент «Петроградского Курьера» упрекнул ГУГШ в многомесячном уклонении от составления официального обзора осады Осовца[99].

Наступление вражеских войск обострило интерес корреспондентов к германским военачальникам. 10 августа 1915 г. корреспонденты «Правительственного Вестника», «Речи» и «Петроградской Газеты» захотели узнать, кто из них руководит осадой Новогеоргиевска, Ковно и Бреста[100].

Иногда на пресс-конференциях возникали неожиданные вопросы. 17 февраля корреспондент «Речи» заинтересовался возможностью воздушного сообщения с Осовцом[101].

Получая сообщения Ставки и комментарии ГУГШ, журналисты по-своему интерпретировали полученную информацию и делали собственные выводы, не всегда соответствовавшие изначальным целям военного ведомства.

Они высоко ценили помощь гражданского населения русским войскам. 30 октября 1914 г. представитель «Правительственного Вестника», узнав о фактах героизма, проявленного под Осовцом местными жителями, назвал их достойными обнародования в прессе[102].

Затянувшаяся оборона Осовца раздражала русских либералов, мечтавших о прорыве к балканским славянам. 25 марта корреспондент «Речи» выразил сожаление по поводу многочисленности

---

[96] Там же. Д. 4905. Л. 328.
[97] Там же. Л. 222-225.
[98] Там же. Д. 4903. Л. 321.
[99] Там же. Д. 4907. Л. 12.
[100] Там же. Д. 4908. Л. 118.
[101] Там же. Д. 4904. Л. 38.
[102] Там же. Д. 4900. Л. 221.

защищавших его войск, «в то время когда мы могли бы перебросить их на Карпаты»[103].

8 июля корреспондент «Дня» пожаловался на цензурный запрет называть Новогеоргиевск сильной крепостью[104]. Тем не менее, отсутствие точных сведений о потенциале вражеских армий заставляло корреспондента «Речи» верить в неспособность немцев к одновременному штурму Ивангорода и Новогеоргиевска[105].

5 августа корреспондент черносотенного «Колокола» заявил о развернувшемся в Государственной Думе обсуждении падения крепости Ковно[106].

Пресс-конференция 6 августа 1915 г. продемонстрировала рост недоверия журналистов к сообщениям ГУГШ. Поблагодарив председателя за итоговый обзор обороны крепостей, корреспондент «Речи» высказал серьезные претензии к качеству информирования журналистского сообщества. Упрекнув председателя в излишнем оптимизме, журналист заметил, что реальность оказалась не столь прекрасной. Ковенская крепость была «быстро... парализована противником». Он выразил озабоченность судьбой Брестской крепости, еще остававшейся вне зоны военных действий. Он попросил не обещать, «что наш гарнизон и там проявит такую же высокую доблесть, какую он проявил и в остальных крепостях», и поинтересовался, сможет ли настойчивый противник, обладающий сильной артиллерией «рассуждая теоретически, развить столь же быстрый, интенсивный успех, как это было у Ковно и... у Новогеоргиевска?» Можно ли рассчитывать, спросил он, «что наш гарнизон будет в состоянии противодействовать противнику большим калибром орудий, большими орудиями, или это не так и Брест, может быть не в две, но в три недели постигнет такая же участь?» Второй представитель «Речи» задал еще более откровенный вопрос: «Не обязаны ли мы подготовить общество к тому, что у Бреста противник может развить такие же интенсивные операции и достигнуть такого же успеха?»[107]

Недоверие журналистов нарастало. 13 августа 1915 г. неосторожные слова председателя об отступлении русской армии по намеченному плану вызвали всплеск эмоций[108]. Корреспондент «Дня», от имени всех своих коллег, ехидно спросил, по каким

[103] Там же. Д. 4905. Л. 7.
[104] Там же. Л. 329-330.
[105] Там же.
[106] Там же. Д. 4908. Л. 59.
[107] Там же. Л. 66, 76.
[108] Там же. Л. 163.

причинам «у нас создается такой план?...Мы наблюдали, у Бреста отход наш был связан с тем, что противник предпринимал обходное движение. То же самое – в других районах со стороны Немана, то же самое относительно Осовца. Так что наш план отхода, по-видимому, вызван тем, что по целому ряду участков противник предпринимает маневры для нас неудобные, или другие соображения есть?»[109] 14 августа корреспондент «Сельского Вестника» резко высказал недоверие Ставке: «Крепостные районы нам не нужны, так что ли? Так я понимаю, судя вот по сдаче Бреста?»[110].

Пресс-конференции формировали у журналистов искаженное представление о немецкой осадной артиллерии. Долгое время они не допускали мысли о ее тотальном превосходстве и представляли себе как мобильный артиллерийский отряд, кочевавший между русскими крепостями. Особенно сильной была надежда журналистов на отвод немецких пушек от Осовца, неоднократно высказанная корреспондентами «Правительственного Вестника», «Речи» и «Дня» на пресс-конференциях 19 и 21 февраля, 10 и 12 марта 1915 г.[111]

В течение всего 1915 г. журналисты надеялись на приближение коренного перелома в войне. 19 февраля корреспондент «Правительственного Вестника» предположил, что он произойдет в ходе сражения за Осовец[112].

Следует отдать должное лояльности журналистов по отношению к военному ведомству. Понимая, что некоторые публикации могут быть негативно истолкованы общественностью, завсегдатаи пресс-конференций проявляли готовность воздержаться от них. 6 августа 1915 г. корреспондент «Речи» в ответ на слова председателя о нежелательности сравнения обороны Ковенской и Брестской крепостей, похожего на «предсказание возможного падения Бреста», от имени всех коллег пообещал не публиковать ничего подобного[113].

Встревоженные журналисты все чаще воспринимали известия о сдаче крепостей как начало прорыва германских войск в центральные губернии России. 28 июля 1915 г. корреспондент «Петроградской газеты» привлек внимание участников пресс-конференции к напечатанной «Новым Временем» статье «Должны

[109] Там же. Л. 164.
[110] Там же. Л. 170.
[111] Там же. Д. 4904. Л. 68, 85-86, 111, 239-242.
[112] Там же. Л. 68-70.
[113] Там же. Л. 74-76.

победить», поднявшей вопрос о реальности «продвижения немцев в сторону Петрограда»[114]. 14 августа корреспондент «Речи» выразил надежду на превращение Западной Двины в оборонительный рубеж на дальних подступах к столице[115].Забеспокоившись о прочности Юго-Западного фронта, 15 августа корреспондент «Дня» спросил, не начнет ли противник наступление на Киев?[116] 12 сентября, более вероятным стал казаться прорыв немцев в направлении Минск – Смоленск – Москва[117].

Теряя доверие к сообщениям ГУГШ, журналисты все активнее искали альтернативные источники информации. Ярким примером этого стало добытое редакцией «Биржевых Ведомостей» осенью 1915 г. сообщение австро-венгерской главной квартиры о восстановлении захваченных русских крепостей[118].

Ставка понимала проблематичность обороны полуразрушенного Перемышля и других крепостей, которые, переходя в руки противника, превращались в символы поражения русской армии. Несомненно, в Могилеве трезво оценивали вероятность роста политической напряженности в стране. Следствием этого стали изменения в информационной политике ГУГШ и Ставки после начала австро-германского наступления весной 1915 г.

В мае 1915 г. Ставка тайно направила журналистов Г.И. Олеховского и И.С. Наимского, служивших в разведывательном отделении 2-й армии, в Германию и Австро-Венгрию с заданием собрать информацию о возможности заключения сепаратного мира[119]. Выяснив, что ни одна из ключевых групп австро-венгерской и германской общественности не стремится к миру, Ставка с 27 июля 1915 г. развернула работу негласного информационного агентства «Норд-Сюд» для распространения военной пропаганды за границей и удерживания нейтральных стран от вступления в войну против России. [Объедков, 2015, с. 118].

Официальные итоги обороны крепостей, представленные общественности в военном обзоре «Русского Инвалида», выглядели как надругательство над памятью о тысячах погибших защитников: «Театр освобождается от крепостей... И на душе у общества легче,... а недавние крепостные катастрофы освещаются блеском огней брестских взрывов как необходимые опыты, без которых нельзя

[114] Там же. Д. 4907. Л. 236.
[115] Там же. Д. 4908. Л. 180.
[116] Там же. Л. 188.
[117] Там же. Д. 4909. Л. 195, 202-203.
[118] Там же. Д. 4912. Л. 5-7.
[119] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 827. Л. 18, 37.

было решить окончательно вопрос о степени пригодности готовых крепостей». Даже героический Осовец авторы обзора цинично назвали «демонстративной приманкой, приведшей к пробе с подставлением других крепостей»[120]. Оставшиеся в живых защитники Осовца отвергли такую оценку. Через неделю, накануне принятия Николаем II обязанностей верховного главнокомандующего, генерал-майор Н.А. Бржозовский опубликовал «Всеподданнейший рапорт бывшего коменданта крепости Осовец», в котором сделал обзор обороны и заявил, что гарнизон с честью выполнил свой долг[121].

Генерал от инфантерии М.В. Алексеев, назначенный в августе 1915 г. новым начальником Штаба при Верховном Главнокомандующем, понимал какое смятение внесла сдача крепостей в умы соотечественников. К 30 октября в Ставке был подготовлен подписанный им доклад, в черновом варианте которого прозвучала тревога: «Из бесед с разнообразными представителями русского общества за последнее время становится все яснее и яснее, что общество и народ начинают утомляться впечатлениями войны, впадая даже в некоторое к ней равнодушие... Это обстоятельство не может не иметь серьезного значения для армии и для всей страны»[122].

М.В. Алексеев решил смягчить ограничения военной цензуры и организовать прямое участие Ставки в руководстве периодической печатью. Не позднее 27 декабря 1915 г. в Могилеве был разработан текст информационного письма для редакций русских газет в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе и Харькове, заинтересованных в аккредитации корреспондентов при Ставке. В нем сообщалось об учреждении в составе Управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем особого делопроизводства по делам печати под руководством полковника П.Л. Ассановича и его помощника штабс-капитана М.К. Лемке с целью правильного освещения «вопросов военного характера, связанных с текущей войной» путем оживления и укрепления связи верховного командования с прессой[123].

В 1916 г. Ставка и ГУГШ стали избегать публикаций, напоминавших о потере крепостей. Отдел генерал-квартирмейстера Генерального Штаба выпустил брошюру «По поводу выполнения операций на Юго-Западном фронте в декабре 1915 г. и Северном и

---

120 «Русский Инвалид». – 15 августа 1915 г. – № 179. – С. 1.
121 Там же. 22 августа 1915 г. – № 184. – С. 1.
122 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 3.
123 Там же. Л. 3-6, 23-25.

Западном в марте 1916 г.»[124]. Очевидно, от обобщения опыта обороны русских крепостей армиями Северо-Западного фронта ГУГШ воздержался.

Дефицит публикаций о защите крепостей восполнили сами защитники. 25 сентября 1916 г. заведующий московскими школами подготовки прапорщиков пехоты генерал-майор В.В. Буняковский представил в Главное военно-цензурное управление написанную в соавторстве с подполковником М. Свечниковым рукопись брошюры «Оборона крепости Осовец». Как и предвидел Буняковский, ее публикация сразу же встретила затруднения[125]. Военный цензор генерал-лейтенант А.Я. Марданов назвал рукопись несвоевременной, поскольку в ней перечислялись войсковые части, защищавшие крепость[126]. Представитель ГУГШ полковник И.Г. Акулинин указал на формальное препятствие – запрет публиковать сведения о боевых подвигах, совершенных позже 1 августа 1915 г., тогда как авторы брошюры завершили рассказ событиями 10 августа[127]. 2 декабря 1916 г. исполнявший обязанности генквартерверха генерал-лейтенант А.С. Лукомский нашел в рукописи указания «на некоторые тактические приемы борьбы, оглашение коих в настоящее время нежелательно» и сделал вывод о преждевременности ее издания «в полном объеме, для всеобщего пользования». Понимая, что «знакомство... некоторой части нашей армии с описанием обороны крепости Осовец безусловно полезно», Лукомский стал автором компромиссного решения об издании брошюры только «для ознакомления начальствующих лиц армий до командиров полков включительно и офицеров Генерального Штаба»[128]. Из-за формальных препятствий брошюра смогла увидеть свет только после Февральской революции, но даже спустя два года после утраты крепостей интерес общественности к подробностям их обороны не ослаб. В июне 1917 г. все 2900 ее экземпляров были разосланы по заказам Ставки, а также штабов Северного, Западного и Юго-Западного фронтов для своих офицеров[129]. 100 экземпляров отпечатанных на высококачественной бумаге, по настоянию Буняковского были разосланы «иностранным военным агентам, главнокомандующим и военным министрам союзных армий, кон-

[124] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2795.
[125] Там же. Д. 2985. Л. 2 и об.
[126] Там же. Л. 3.
[127] Там же. Л. 6.
[128] Там же. Л. 11 и об.
[129] Там же. Д. 2995. Л. 39, 41, 51, 56-57, 63.

ституционным монархам и президентам, а равно военному министру Керенскому»[130].

Выводы

Подводя итоги, можно утверждать о понимании военным ведомством необходимости информирования общественности об обороне крепостей, сложившемся в сентябре 1914 г. Задание написать статью о посещении Осовца императором, порученное коменданту крепости, свидетельствует о первоначальной попытке Ставки не подпускать штатских журналистов к комментированию темы, чреватой политическими неожиданностями. Но истощение резервов и запасов оружия к зиме 1914–1915 гг. побудило военное ведомство использовать пропагандистский потенциал газетных публикаций о стоящих насмерть крепостных гарнизонах в интересах обороны.

Информируя журналистов о подробностях обороны крепостей, организаторы пресс-конференций в ГУГШ преследовали собственные цели, но были вынуждены учитыв ать информационные запросы газетных редакций.

Приемы подачи информации, использованные офицерами ГУГШ, помогали смягчать впечатление о неудачной обороне крепостей, оправдывать их оставление русскими войсками, а также замалчивать эти трагические события, исключая их из повестки дня.

Законодательство о военной цензуре позволяло скрывать от журналистов большие объемы информации. В условиях войны это было оправданным, так как некоторые подробности обороны могли стать газетными сенсациями, обладавшими деструктивным политическим потенциалом. В то же время офицеры ГУГШ неоднократно упускали возможность пропаганды героизма защитников крепостей.

Журналистов интересовал весь спектр информации о крепостях, однако степень их заинтересованности была различной. Официальная газета военного ведомства «Русский Инвалид» получала сводки непосредственно из Ставки и ГУГШ. Редакции крупных газет – «Биржевых Ведомостей», «Нового Времени» и «Русского Слова» редко заявляли о себе на пресс-конференциях, предпочитая собственные источники информации. Наибольшую заинтересованность проявляли корреспонденты официозного

[130] Там же. Д. 2985. Л. 43 и об.

«Правительственного Вестника», а также центрального органа кадетской партии «Речь» и либеральной газеты «День». При этом корреспонденты проявляли лояльность к военному ведомству и даже были готовы воздерживаться от публикации, подчиняясь требованиям цензуры.

Осмысливая получаемую информацию, в феврале-марте 1915 г. журналисты воспринимали ее с надеждой на успешное отражение русскими крепостями кратковременного натиска германских войск. В апреле они начали проявлять растущее недоверие к сообщениям Ставки и ГУГШ, сменившееся в августе растерянностью и негодованием.

Утрата крепостей заставила наштаверха Н.Н. Янушкевича, а затем и его преемника М.В. Алексеева, усилить внимание к информационно-пропагандистскому сопровождению военных действий. Ставка энергично вмешалась в сферу распространения информационных материалов, развернув летом 1915 г. русскую военную пропаганду за границей, а зимой 1915/1916 гг. аккредитацию корреспондентов русских газет непосредственно в Могилеве.

Список литературы

Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914 год. Начало. – М.: Кучково поле, 2014.

Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1915 год. Апогей. – М.: Кучково поле, 2014.

Ганин А.В. «Мозг армии» в период русской смуты: статьи и документы. – М.: Русский путь, 2013.

Объедков И.В. Пресс-конференции в Генеральном Штабе и осада Перемышля // Вестник Московского городского педагогического университета, серия «Исторические науки». – 2014. – № 1(13). – С. 42-48.

Объедков И.В. Журналист И.С. Наимский и русская военная пропаганда в заграничной печати: 1915–1917 гг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 116-131.

Поступила в редакцию
07.07.2015